

ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА И ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН В «ВОЙНЕ И МИРЕ» Л.Н. ТОЛСТОГО

Е.Ю. ПОЛТАВЕЦ

Московский городской педагогический университет

- Разве можно это сравнивать? – сказал Пьер.
Л.Н. Толстой, «Война и мир».

В «Войне и мире» Л.Н.Толстого упоминается такое количество исторических деятелей, какого, наверное, нет ни в одном другом произведении русской классики XIX века. Почти все эти имена нашли свое место в реальном комментарии к тексту, однако это, как правило, скупые исторические справки. Необходимость развернутого комментария, который бы носил не просто исторический и реальный, а в полном смысле слова герменевтический характер, назрела давно. Мы видим два побуждающих к такому комментированию фактора.

Во-первых, это необходимость в полной мере учитывать, что любой антропоним в художественном произведении является литературным антропонимом. Сошлемся на исследование Н.В. Васильевой, на примере «Войны и мира» Л.Н.Толстого показавшей недопустимость противопоставления «реальных имен» типа *Кутузов* и *Наполеон* вымышленным

(созданным) типа *Пьер Безухов* и *Наташа Ростова*. «Конечно же, правы те, кто и *Наполеона* считает литературным антропонимом, - пишет Васильева. - ...Каким бы реалистическим ни был писатель, он конструирует вымышленный, возможный мир. Поэтому без теории фикциональности в литературной ономастике второго тысячелетия, по-видимому, не обойтись» [1: 135-136]. Васильева опирается на мнение В.Шмида, который замечает о персонажах типа *Наполеона* в «Войне и мире»: «Уже тот факт, что эти квазиисторические фигуры живут в том же мире, что и явно вымышленные, превращает первых в фиктивные персонажи. Того *Наполеона* и того *Кутузова*, которые могли бы встретиться с *Наташей Ростовою* и *Пьером Безуховым*, в реальном мире не существовало... Фиктивным является и *пространство* романа... Ту *Москву*, например, в которой живут герои романа «Война и мир»,

то Бородино, под которым погибает Андрей Болконский, нельзя найти ни на какой исторической карте России» [3: 37-38]. Из этого вытекает, что комментарий к антропониму или топониму *художественного* произведения не может быть только реальным, не может быть статьей в энциклопедическом словаре. Комментируя «квазиисторический», по выражению Шмида, ономастический пласт произведения, мы должны обязательно охарактеризовать роль этой ономастики в создании «иллюзии реальности».

Во-вторых, ономастика художественного произведения должна комментироваться с учетом и других художественных задач. Пусть автором выбрано имя, известное в истории, но в пределах художественного произведения оно подчиняется художественным законам, что означает правомерность рассмотрения всей полноты семантики этого имени, всех его контекстов, включая возможный реминисцентный фон и звуковой символизм. Это закономерно, если, как говорит В. Шмид, «фиктивные миры предполагают онтологическую гомогенность» [3: 38].

В «Войне и мире» довольно заметную роль Толстой отводит образу Сперанского, и эта роль

нашла интересные комментарии в литературе о Толстом, вплоть до анализа толстовского неприятия любого умозрительного, рационалистического подхода к роевой, стихийной живой жизни. Андрей Болконский, воплощение этой живой жизни у Толстого, от *надежд* на возможность изменить жизнь России, связанных со Сперанским (сама фамилия Сперанского отсылает к латинскому «*spero*» - «ожидая», «надеюсь»), приходит к осознанию тщеты всякого рода реформ и преобразований, выработанных в кабинетах чиновников. Эпизоды со Сперанским подсвечены не только пафосом «дней Александровых прекрасного начала» (в котором предстоит разочароваться князю Андрею), но и римскими государственными добродетелями. Сперанский не только «льстил князю Андрею» [2: 5,176], но и уверял его, что таким людям, как Болконский, «грех не служить теперь» [2: 5,178], т.е. склонял на свою сторону под предлогом того, что должно служить отечеству. На той же странице в параллель римским доблестям упоминаются «сенат», «законы», «гражданское уложение», «права лиц», французский «*Code Napoléon*» и два латинских выражения: «*circulus viciosus*» и <кодекс> «*Justiniani*».

Обычно комментарии к этой странице «Войны и мира» (например, комментариев Н.М. Фортунатова в издании 1980 года) сообщают: «Наполеоновский кодекс – гражданский кодекс Франции, выработанный при участии Наполеона... Кодекс Юстиниана – свод императорских указов, изданных по приказу императора Юстиниана в 529 г.» [2: 5, 417]. Иногда следует указание на то, что кодекс Юстиниана служил образцом для наполеоновского.

Можно расширить этот комментарий, рассмотрев антропоним «Justinianus» как необходимую деталь в свете отмеченного нами латинско-римского контекста эпизода. Есть и другие причины обратить внимание на толстовскую отсылку к Юстиниану. По-видимому, упоминание, что князь Андрей переводил кодекс византийского императора, может нести гораздо бóльшую смысловую нагрузку, чем только свидетельствовать о том, что Болконский опирался на основной свод законов, сотни лет служивший образцом для законодателей Европы (понятно, что и в России той эпохи никакое составление законов без учета кодекса Юстиниана обойтись не могло). Толстой мог упомянуть о Юстиниане ради исторической достоверности, но

мы-то знаем, что, во-первых, сама по себе она не была предметом первостепенной заботы автора «Войны и мира» (особенно там, где речь идет об Андрее Болконском), и, во-вторых, эта деталь «не работает» в качестве средства характеристики каких-нибудь юридических или политических взглядов князя Андрея, потому что, повторяем, иного выбора законодательских образцов для России той эпохи не существовало.

История создания «Войны и мира» отсылает к прекрасно изученному биографическому контексту, и эпизод сотрудничества князя Андрея со Сперанским, конечно, не исключение. Напомним биографический контекст упоминания о кодексе Юстиниана. Толстой еще студентом юридического факультета Казанского университета прилежно изучает «Институции» - первую часть Юстинианова свода законов - и упражняется в латинском языке. В автобиографических записях Толстого содержится множество упоминаний о работе над переводами и изучением свода. 7 апреля 1847 года он, например, записывает в дневнике план для себя: «... Прочитать как с пользой для языка, так и для Римского права, первую часть институций» [2: 21, 12]. В «Журнале ежеднев-

ных занятий», который завел себе девятнадцатилетний Толстой, множество записей: «Институции», «Римское право», «Латинский язык». В первой половине 1847 года он очень много времени отводит этим занятиям. Но это не значит, что лишь воспоминания об этих занятиях побудили автора «Войны и мира» показать своего героя в работе над сводами законов.

Соперничество князя Андрея с императорами (Юстинианом и Наполеоном) в законотворческой деятельности и разочарование Болконского в этой деятельности как таковой показаны Толстым в качестве еще одного примера противопоставления князя Андрея Наполеону. Противопоставление это проходит через всю книгу (называть «Войну и мир» ни романом, ни романом-эпопеей мы не рискуем, воспользуемся выражением самого Толстого: «книга») и является не менее (а может быть, и более) важным в произведении Толстого, чем оппозиция «Наполеон – Кутузов».

Но если у Толстого Болконский в эпизоде Аустерлица встречается с Наполеоном и разочаровывается в нем, а позже отвергает и всякую государственную деятельность, власть, мнимое величие (которые для Наполеона составляют смысл жизни), то с

Юстинианом Болконский сопоставляется автором на другой основе. С Юстинианом, в отличие от Наполеона, Сперанского, Кутузова, Александра, австрийского императора Франца и других исторических лиц, Болконский, понятное дело, не встречается, и это, казалось бы, дает основания ограничиться в комментировании только исторической справкой. Невозможно причислить антропоним «Justinianus» к тому же ряду литературных антропонимов, что и «Сперанский», «Кутузов», «Александр». Император Восточной Римской империи как персонаж не существует в том пространстве произведения, в котором сосуществуют Сперанский, Кутузов и Андрей Болконский. Но... «*nomen est omen*» (имя – уже знамение), что известно из произведений Плавта. А так как это универсальный закон поэтики, то и расшифровка этого знаменья – тоже дело комментатора. Что же «знаменует» для героя Толстого «встреча» с Юстинианом?

Как ни странно, в судьбе самого Юстиниана I (482 или 483 - 565 гг.), весьма причудливой даже для византийского императора, можно усмотреть некоторые переключки с сюжетной линией Андрея Болконского. И это не только участие в войнах, увлечен-

ное руководство комиссией по составлению законов или благотворительные начинания: Юстиниан строил как храмы, так и больницы. (Болконский тоже проводил реформы в своих имениях, заботился о распространении грамотности и медицинской помощи, после чего и пришел к выводу о необходимости принять участие в реформах всероссийского, так сказать, масштаба.)

Женат византийский император был на циркачке-танцовщице Феодоре, до замужества уже успевшей сбежать из столицы с богатым покровителем в Африку, снискать славу блудницы, а затем вернуться в Константинополь, покаяться и создать себе ореол благочестивой страдальницы, зарабатывающей на жизнь рукоделием. Юстиниан, тогда еще наследник византийского престола, увидел как-то раз в окне бедного домика (так гласит предание) пикантную блудницу-скромницу, влюбился чуть ли не с первого взгляда и предложил бывшей циркачке руку и сердце, что повергло в шок его дядю, правящего императора Юстина, который потребовал, чтобы свадьба была отложена. (Размышляя над кодексом Юстиниана, Болконский еще не знает, что женитьбу на Наташе придется отложить по

настоянию отца). Чувства влюбленных выдержали испытание временем, и Феодора стала, наконец, супругой Юстиниана, а в 527 году – императрицей, причем начало императорской юридической активности было положено специальным указом (!) о том, что падшие женщины при условии их покаяния могут выходить замуж за вельмож и даже царственных особ. К чести Феодоры-императрицы надо сказать, что она всегда старалась способствовать разработке законов, облегчающих положение женщин, и отличалась веротерпимостью, хотя некоторые современники, например хронист и памфлетист Прокопий, изображают ее в своих сочинениях чуть ли не исчадием ада. Однако церковь канонизировала Феодору в лике благоверной.

После несостоявшегося бегства Наташи с Анатолом Пьер напоминает князю Андрею его суждение, что падшую женщину надо простить, однако ни герои, ни автор не сообщают о том, что же послужило поводом к этому суждению. Может быть, друзья когда-то говорили о несчастном браке Пьера, а может быть, и обсуждали диковинность византийских императорских указов как раз в то время, когда князь Андрей «озабоченно переводил на русский

язык статьи римского и французского свода» [2: 5, 219].

- Послушайте, помните вы наш спор в Петербурге, - сказал Пьер, - помните о...

- Помню, - поспешно отвечал князь Андрей, - я говорил, что падшую женщину надо простить, но я не говорил, что я могу простить. Я не могу.

- Разве можно это сравнивать?.. - сказал Пьер [2: 5, 384].

«Спор», о котором напоминает Пьер князю Андрею, происходил в Петербурге, что тоже можно рассматривать как намек на пору петербургской работы князя Андрея над составлением законов, т.е. на переключку с историей Феодоры и Юстиниана. Разговору Пьера и князя Андрея о падшей женщине и измене Наташи предшествует очень интересный по обрисовке позиции князя Андрея спор с одним из гостей старого князя о Сперанском. Когда Пьер приезжает к своему другу, в кабинете Болконского «речь шла о Сперанском, известие о внезапной ссылке и мнимой измене которого только что дошло до Москвы» [2: 5, 382]. Князь Андрей с негодованием отвергает подозрения об измене Сперанского и говорит: «Я лично не люблю и не любил Сперанского, но я люблю справедливость» [2: 5,

383]. Справедливость, к которой апеллирует Болконский, тоже вписывается в Юстинианов контекст спора, не только потому, что работа со Сперанским была связана для князя Андрея с переводом «статей римского свода», но и потому, что латинская «*justitia*» («справедливость», «право», «свод законов») и имя «*Justinianus*» этимологически объединены.

«Пьер узнавал теперь в своем друге слишком знакомую ему потребность волноваться и говорить о деле для себя чуждом только для того, чтобы заглушить слишком тяжелые душевные мысли» [2: 5, 383]. Новость о мнимой измене Сперанского служит тем контекстом, в котором Пьер и князь Андрей обсуждают другую новость, перевернувшую жизнь князя Андрея. Это измена Наташи, и измена не мнимая. Несмотря на то, что бегство Наташи с Анатолом не состоялось, отказ невесты есть отказ. «Надо простить», - говорил князь Андрей в *споре* о падшей женщине. Если друзья *спорили*, то какова же была позиция Пьера? Наверное, Пьер говорил, что нельзя простить? После свидания с другом Пьер едет к Наташе и не то чтобы прощает ее (Наташа ведь не Пьеру изменила), а сознает, что любил ее, причем именно в тот

момент, когда, казалось бы, можно было думать о ней, как о «падшей». Так что в тот же день новость, перевернувшая жизнь князя Андрея, изменяет и всю внутреннюю жизнь Пьера.

Никакие мозаики, хроники, памфлеты и прочие артефакты никогда не откроют нам, была ли легкомысленная танцовщица-куртизанка Феодора ловкой интриганкой, сумевшей обольстить самого наследника престола, или искренне покаявшейся Магдалиной. Может быть, она и сама не знала этого. Наташа Ростова у Толстого проходит путь от легкомысленной любительницы петь и плясать, чуть было не упавшей в объятия светского развратника, готового закутать ее в салоп, только что снятый с одной из своих певичек-любовниц, до преданной жены и матери. «Разве можно это сравнивать?» - пожал бы плечами Пьер. Толстой и не сравнивает, но знаменитому толстовскому «лабиринту сцеплений» не противопоставлен никакой бриколаж. И почему-то Толстой счел нужным внести в повествование о работе Андрея Болконского над составлением законов это, казалось бы, малозначащее упоминание о кодексе Юстиниана. Да еще и второй раз упомянул о «римском своде» и о том, что изучение

этих законов представилось князю Андрею «праздным» (а это уже в главе, рассказывающей о настроении Болконского после возобновленного на бале знакомства с Наташей, так что любовная линия толстовских героев «зачем-то» соприкоснулась с совершенно, вроде бы, посторонней деталью).

Покаявшаяся и получившая прощение князя Андрея Наташа «выучилась вязать», потому что князь Андрей сказал ей, что «никто так не умеет ходить за больными, как старые няни, которые вяжут чулки, и что в вязании чулка есть что-то успокоительное» [2: 7, 68]. В таком случае есть все основания предположить, что изобретенный Феодорой в VI веке ритуал покаяния и успокоения (в виде занятий рукоделием) оказался весьма действенным. Кстати, по преданию Юстиниан впервые увидел Феодору, когда она занималась рукоделием, сидя у окна. У Толстого окна (не одно, а два) разделяют Наташу и князя Андрея в Отрадном, хотя Наташа не вяжет и не вышивает, а любит, как и князь Андрей, весенней ночью.

В заключение отметим, что бродячий сюжет типа «Сотер и Порна», возможно, структурировал в качестве универсальной мо-

дели и предания о таких событиях, как почти невероятное сближение императорского наследника Юстиниана с Феодорой, баядерой в полном смысле слова. Позднейшие хроники и предания о событиях, отчасти напомнивших эту модель, устремляются в русло такого сюжета вполне естественно, как поток воды устремляется весной по прошлогоднему следу. Баллада Гёте «Бог и баядера», например, - одна из бесчисленных реализаций этого сюжета в мировой литературе и, конечно, помещает первоначальный импульс сюжета в Индию (подзаголовок ее – «Индийская легенда»). Кстати, перевод этой баллады Гёте, сделанный А.К. Толстым, был опубликован в «Русском вестнике» в сентябре 1867 года (под заглавием «Магадева и баядера»), т.е. в период работы Толстого над «Войной и миром», да еще в журнале, в котором в 1865 и 1866 годах печатался толстовский «Тысяча восемьсот пятый год». Осень 1867 года – период напряженной работы Толстого над окончательной отделкой глав,

посвященных тому, что Толстой называл «узлом всего романа», т.е. истории увлечения Наташи Анатолем и ее разрыву с Болконским [2: 18, 669]. Неизвестно, какое вообще впечатление производила упомянутая баллада Гёте на Толстого, неизвестно и то, заинтересовал ли Толстого новый перевод баллады в «Русском вестнике», сделанный его родственником. Можно только утверждать, что какой-то архетипический отсвет универсальной модели ложится в «Войне и мире» и на сюжетную линию Андрей Болконский – Наташа Ростова. Не случайно ведь предсмертное свидание героя Толстого с его обретенной любовью состоялось на фоне пожара Москвы. Но и Москва «Войны и мира» - это не просто исторический, а литературный топоним, означающий: «сгоревший и воскресший город».

Разве можно это сравнивать? Сравнить все здание с одним камнем фундамента никто и не собирается. Но и без камня, особенно краеугольного, здание не устоит.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Васильева Н.В.** Собственное имя в мире текста. – М.: Академия гуманитарных исследований, 2005.
2. **Толстой Л.Н.** Собр. соч.: в 22 тт. – М.: Художественная литература, 1978-1985. В тексте статьи в квадратных скобках указываются через запятую том и страница.
3. **Шмид В.** Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2008.